

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Дитер Хуцель

РАКЕТНЫЙ ЦЕНТР ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

**ЗАПИСКИ БЛИЖАЙШЕГО СОРАТНИКА
ВЕРНЕРА ФОН БРАУНА**

1943—1945

За линией фронта. Мемуары

Дитер Хуцель

**Ракетный центр Третьего рейха.
Записки ближайшего соратника
Вернера фон Брауна. 1943–1945**

«Центрполиграф»

1962

Хуцель Д. К.

Ракетный центр Третьего рейха. Записки ближайшего соратника Вернера фон Брауна. 1943–1945 / Д. К. Хуцель — «Центрполиграф», 1962 — (За линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5094-3

Карьера профессионального ракетчика Дитера Хуцеля началась на немецком острове Узедом в Балтийском море в местечке Пенемюнде, где создавались совершенно новые типы оружия. Как молодой специалист по ракетостроению он был отозван с Восточного фронта и к концу Второй мировой войны стал главным помощником блестящего ученого, технического вдохновителя ракетного центра Вернера фон Брауна. Хуцель был очевидцем производившихся на острове разработок и испытаний, в частности усовершенствования грозной ракеты Фау-2 (оружия возмездия), которую называли «чудо-оружие Третьего рейха». Автор подробно рассказывает о деятельности исследовательского центра, о его сотрудниках, о работе испытательных стендов, об эвакуации центра и о своей миссии по сокрытию важнейших документов Пенемюнде от наступающих советских войск.

ISBN 978-5-9524-5094-3

© Хуцель Д. К., 1962

© Центрполиграф, 1962

Содержание

Глава 1. Дорога в Пенемюнде	6
Глава 2. В Пенемюнде	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дитер К. Хуцель
Ракетный центр Третьего рейха.
Записки ближайшего соратника
Вернера фон Брауна. 1943–1945

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2013

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Дорога в Пенемюнде

– Приготовиться к запуску! Ключ на старт!

– Есть ключ на старт!

За последней командой последовали отрывистые звуки, похожие на ружейные выстрелы. Ответственный за запуск Альберт Цайлер пристально смотрел в большое окно, в которое было отчетливо видно высокую ракету RS-1. Как только ключ был выведен на «старт», включилось реле времени. Дренажный клапан в баке с жидким кислородом закрылся – тонкая белая струя пара, плавно текущая по охлажденной поверхности ракеты, пропала.

Десятки людей в центре управления запуском затаили дыхание. Наддув топливного бака займет 30 секунд. Никто не проявляет никаких эмоций, люди напряжены и полны предчувствий. За исключением тех, кто следил за пультами управления запуском ракеты, все устали вместе с Цайлером в окно с толстым стеклом, имеющим двустороннее зеркальное покрытие, на молчаливую «птицу» снаружи.

За несколько часов до этого первые рассветные лучи постепенно вырвали ракету высотой 1981 метр из суровых объятий прожекторов. Несколько мгновений назад, когда завывали сирены и включилось красное импульсное освещение, предупреждающее о начале обратного отсчета, толпы рабочих, готовящих ракету к запуску, поспешили в укрытие.

В наполовину погруженном в землю железобетонном блокгаузе наступила тишина, нарушаемая лишь размеренным щелканьем реле, гулом электроприборов, краткими сообщениями о давлении в топливных баках и случайными, взволнованными, но обнадеживающими замечаниями инженера, ответственного за систему управления, пристально наблюдающего за приборными пультами и световыми сигналами. Тридцать секунд отсчета показались вечностью.

– Заправка завершена!

Из хвостовой части ракеты вырвалось небольшое яркое пламя.

– Предварительная ступень!

Колеблющееся пламя озарило стартовую площадку. Резкая команда Цайлера почти утонула в реве ракеты, который вырос до оглушительного крещендо.

– Главная ступень!

Из ракеты с невероятной скоростью вырвалось пламя и газы. Огромные клубы дыма и пыли закружились и взметнулись в небо, словно по земле колотил кулаком разъяренный исполин.

– Пуск!

Медленно, невозмутимо и неотвратимо, как Армагеддон, огромная ракета стала подниматься в воздух. В белом раскаленном пламени газов появились яркие вспышки, когда ракета стремительно взмыла над землей.

Хотя прошло всего несколько секунд, казалось, что ракета еще долгое время остается в поле зрения в узком окне. Но скоро на ясном утреннем небе осталась только полоса выхлопных газов. Вскоре и она исчезла. Постепенно стих рев мощного ракетного двигателя. В наступившей тишине доктор Курт Дебус – директор лаборатории пуска ракет Агентства по баллистическим ракетам армии США – отвернулся от окна и сухо заметил:

– Она улетела.

«Она» – первая баллистическая ракета «Редстоун» американского производства, запущенная с мыса Канаверал, штат Флорида, 20 августа 1953 года в 9.35 утра. Краткое замечание Дебуса изменило атмосферу в блокгаузе. Благоговейное молчание сменилось оглушительными поздравлениями, телефонными звонками, объявлениями по системе громкоговорящей связи и тщетными призывами к тишине, пока продолжали поступать результаты телеметрических наблюдений полета ракеты.

Несколько часов спустя я лежал на песчаном пляже Индиалантика. Только здесь, слушая нежный плеск волн и ощущая все еще горячий, но приятный вечерний бриз, заставляющий забыть о круглосуточной работе на мысе при повышенной влажности воздуха и в окружении комаров, я по-настоящему почувствовал важнейшее значение сегодняшнего дня для Америки, но прежде всего лично для себя.

Через час я присоединюсь к команде специалистов, подготовивших запуск ракеты, чтобы весело отпраздновать нынешнее событие. Но сейчас я мысленно возвращаюсь в начало 1946 года. Я вспоминаю свой приезд в Америку прямо из Германии и группу специалистов Пенемюнде, создавших устрашающую Фау-2. Во время эвакуации Пенемюнде – прежде секретного, но теперь знаменитого ракетного центра Третьего рейха на побережье Балтийского моря – многие из нас разуверились в том, что когда-нибудь снова займутся ракетостроением. Как тогда, так и сейчас для большинства из нас ракетостроение ассоциируется с величайшей задачей XX века – космическими полетами, высадкой на другие планеты и исследованиями, смелость и масштаб которых сравнимы лишь с открытием Колумба.

Итак, я снова заговорил о делах. Невероятно, но мыс Канаверал во многом похож на Пенемюнде. Такое ощущение, что пески и камыши на мыс перевезли с Балтийского побережья. Как и прежде, Вернер фон Браун наш технический повелитель. В команде работают Цайлер, Дебус, Штулингер и многие другие, с кем я так долго сотрудничал. И хотя сам я работал в передовой аэрофизической лаборатории американской компании «Рокетдайн», или, как ее тогда называли, «Североамериканская авиация», создававшей жидкостные ракетные двигатели, а не в старой команде в Хантсвилле, штат Алабама, я тем не менее внес определенный вклад в сегодняшний успех.

Прежде я чувствовал, что первый запуск «Редстоун» станет судьбоносным. Теперь я в этом убежден, поскольку именно ракета «Редстоун» вывела на орбиту первый спутник США, а затем отправила в космос первого американского астронавта – командира ВМС США Алана Шепарда.

Перевернувшись, я взял пригоршню песка и пропустил его сквозь пальцы. Как же много времени прошло с тех пор, как я прикасался к песку балтийских пляжей! Неожиданное стечение обстоятельств привело меня, сорокалетнего мужчину, именно туда, где я мечтал оказаться еще мальчиком.

Так сложилось, что войны сыграли в моей жизни важную роль. Я родился в Эссене, что находится в крупнейшем промышленном районе Германии Рур, всего за два года до начала Первой мировой войны. В этом городе мой отец работал на большом заводе Круппа, сначала инженером по патентной работе, а затем руководителем отдела кинематографии концерна. Хотя в те времена кино по-прежнему было в новинку, руководство концерна Круппа считало киносъемку, особенно замедленную, важным подспорьем в изучении баллистических феноменов. Мой отец быстро освоился в новой области.

Мои первые, заслуживающие доверия воспоминания связаны с суррогатной едой, отключением электричества, прожекторами, зенитным огнем и бесконечными колоннами усталых солдат, возвращающихся с Западного фронта после перемирия. Я также помню, что уличное освещение постепенно восстанавливалось, но мы еще долго плохо питались. Нехватка рабочих мест, недостаток продовольствия и ничего не стоящие бумажные деньги становились причиной восстаний, перестрелок и демонстраций, которые многие годы сотрясали Рур.

К 1923 году ситуация немного наладилась, но тут в Рур вошла французская армия – началась оккупация, продлившаяся более двух лет. Здание средней школы, в которой я только начал учиться, реквизировали под казармы для французских войск, а нам пришлось присоединиться к другой школе.

Между тем заводу Круппа, в соответствии с положением о перемирии, запрещалось производить оружие. Цеха, которые не успели перейти на производство потребительских това-

ров, просто закрылись. Для моего отца настали тяжелые времена, но он, по-моему, впервые в истории существования индустрии преобразовал отдел кинематографии, который стал создавать фильмы о технической подготовке, технике безопасности, образовательные и рекламные киноленты.

Для меня важнейшим результатом этих преобразований стало то, что я в раннем возрасте увлекся инженерным делом. Мой отец частенько приносил домой куски бракованной пленки с увлекательными эпизодами. Я соединял куски пленки и часами просматривал фильмы снова и снова, пока не выучивал наизусть каждое движение всех объектов. Иногда отец приносил домой полноценный технический фильм, который я проецировал с большим волнением и изучал с огромным интересом.

Судьба привела меня в пески мыса Канаверал еще и потому, что я вырос в Германии в эпоху повышенного интереса к ракетной технике. Имена многих выдающихся ученых тех дней вошли в историю ракетостроения. Среди них Макс Валье, Герман Оберт, Вальтер Тиль, Клаус Ридель и многие другие. Как модели самолетов воодушевили американскую молодежь в 1930-х годах, так и ракеты стали источником бесконечного азарта и еще более сложными игрушками для немецких детей 1920-х годов. Я и мои друзья оказались в числе тех, кто создавал и испытывал многие модели ракет – игрушки, впоследствии сменившиеся настоящими ракетами, строительством которых я занимался в зрелом возрасте.

Одно из моих ярчайших воспоминаний тех лет связано с лекцией о ракетах и космических путешествиях, прочитанной пионером ракетной техники Максом Валье. 28 октября 1928 года он выступал с лекцией в моем родном городе Эссене, а в перерыве я подошел к нему вместе с товарищем, который тоже занимался ракетным моделированием. Мы с гордостью продемонстрировали ему короткометражный фильм о нашей модели ракеты, снятый моим отцом.

Мы приуныли, ибо, к нашему сожалению, Валье ничуть не заинтересовался показанным кино и строго заявил, что юноши не должны рисковать жизнью, занимаясь ракетным моделированием. В заключение он сурово потребовал, чтобы мы немедленно прекратили наши «испытания». По иронии судьбы менее чем через два года Валье погиб во время эксперимента с ракетой на жидком топливе, став первым испытателем, пожертвовавшим жизнью ради новой отрасли.

Несмотря на незначительные попытки ослабить мой энтузиазм, события тех лет, вне сомнения, усилили мое желание стать инженером. Этому также способствовало изобретение радио, развитие автомобилестроения и появление множества технологических открытий. Поэтому после окончания средней школы я поступил в технический университет Штутгарта, где получил специальность инженера-электрика, и почти сразу же начал работать в фирме «Сименс – Шуккерт» в Берлине.

Как ни странно, в тот момент, когда я наконец стал инженером, мне пришлось на время забыть о ракетостроении. Вскоре после прихода Гитлера к власти в 1933 году новости об успехах в ракетостроении стали появляться в немецкой прессе все реже, а затем и вовсе исчезли. Теперь мы знаем, что с одобрения министра обороны отдел баллистики и боеприпасов Управления вооружения германской армии стал полностью контролировать все работы в области ракетостроения Германии, проводившиеся в обстановке полной секретности. В Версальском договоре тщательно перечислялись все виды вооружения, которые запрещалось производить Германии, но о ракетах не говорилось ни слова.

Общества ракетостроения и астронавтики пытались воплотить в жизнь идею создания ракетного летательного аппарата и выхода в космос, но из-за существовавших ограничений все их попытки были безуспешными. В конце концов люди просто перестали получать информацию о достижениях в ракетостроении, чего и добивались власти. Однако работы в области ракетостроения продолжались под руководством майора Вальтера Дорнбергера сначала на станции Куммерсдорф-Вест в 27 километрах южнее Берлина, а начиная с 1936 года в Пенемюнде.

Между тем я трудился в «Сименс» и лишь изредка вспоминал о ракетах. В 1939 году, когда началась Вторая мировая война, я по-прежнему работал инженером-проектировщиком. В первые годы войны до работников крупных инженерных компаний доходили волнующие слухи о фантастическом центре на берегу Балтийского моря, где разрабатывается сверхсекретное оружие. Но власти Третьего рейха так усиленно охраняли секреты центра, что я узнал о нем совершенно случайно.

Я снова вспомнил свою мечту о ракетостроении и космических путешествиях теплым, летним, лунным вечером 1941 года, незадолго до вторжения немецких войск на территорию Советского Союза. Хотя тогда я этого не осознавал, это было первое в судьбоносном ряду событие, в конечном итоге воплотившее в реальность мою детскую грезу.

Вторая мировая война свирепствовала уже почти два года. Большая часть Европы, за исключением Швеции, Швейцарии, Испании и Португалии, была захвачена гитлеровской Германией. Самолеты люфтваффе совершали массированные налеты на Великобританию, и вскоре британские бомбардировщики начали бомбить Германию.

Со старым приятелем, Хартмутом Кюхеном, я ждал автобуса на остановке в затемненном Берлине. Мы с ним весь день ходили под парусом на озере Ванзее. Я только и делал, что говорил об Ирмель – красивой, темноволосой девушке, работавшей вместе с нами в «Сименс».

Наше знакомство было типичным для того времени – сначала мы с Ирмель общались исключительно по-деловому. Почти год наши отношения сводились к обмену машинописными документами о спецификациях трансформаторов, деталях переключателей и электростанциях. Я не помню, на что впервые обратил внимание: на ее похвальное умение разбирать мой почерк, милую женственность, утонченную внешность или приятную манеру говорить.

Мы жили в разных частях города, и шансы встретиться друг с другом вне офиса были примерно такими же ничтожными, как у нынешних жителей Лос-Анджелеса или Нью-Йорка. Тем не менее благосклонное провидение, прежде заставлявшее миллионы вроде бы убежденных холостяков менять мнение о браке, однажды вынудило меня, едущего к другу, сесть с Ирмель в один вагон метро. Конечно же мы говорили отнюдь не о трансформаторах и бланках заказов и вскоре обнаружили, что оба любим греблю, танцы и нам нравятся одни и те же книги. Более того, выяснилось, что оба свободны в ближайшие выходные.

Нам было не важно, где проводить время: на моем паруснике на Ванзее или на ее разборной лодке на озере Тегель. Нам всегда было весело, даже в грозу. Затем мы отправлялись в романтические вечерние прогулки через сосновые леса, от причалов до городской железнодорожной станции, не всегда ближайшей. Мы держались за руки или по немецкой традиции взявшись под руки, время от времени останавливались для нежного поцелуя. Шел второй год войны, и будущее представлялось смутным, поэтому мы наслаждались настоящим. Мы не говорили о будущем, но мне кажется, оба чувствовали, что если переживем войну, то не расстанемся.

Хартмут снисходительно слушал меня, как старший брат. Он приехал в город в командировку и работал на огромной строящейся фабрике возле Штеттина к северо-востоку от Берлина. Хотя я всегда считал, что эта фабрика относится к находящемуся там неподалеку газобензиновому заводу, мне иногда казалась подозрительной осторожность Хармута, когда он рассказывал о работе.

Мы разговаривали при мягком свете великолепной полной луны. Наслаждаясь ее красотой, мы не забывали об опасности, которую нес лунный свет, делая затемненный город идеальной мишенью для английских бомбардировщиков. Вдруг Хартмут повернулся ко мне и сказал:

– Дитер, возможно, человек шагнет на сияющий спутник Земли раньше, чем думают большинство людей.

Я подсознательно почувствовал важность его небрежного замечания, тут же припомнив юношеские эксперименты с моделями ракет и восторг от идеи космических полетов.

– Так вот что вы строите на севере! – выпалил я.

Хартмут застыл на месте. Я помню ошеломленное выражение его лица в лунном свете. Он быстро пришел в себя, но мои слова так сильно на него повлияли, что в ответ он только кивнул и переменял тему.

С тех пор я постоянно вспоминал наш разговор, если встречал в газетах любой намек на сверхсекретное оружие. Я интересовался этой темой довольно страстно, но не мечтал стать участником подобного проекта. Вскоре в мою жизнь ворвалась война. В декабре 1941 года США официально вступили в войну против гитлеровской Германии и ее союзников после разрушительного нападения Японии на Пёрл-Харбор. Зимой 1942 года стремительное наступление Германии на территории Советского Союза было остановлено, а после Сталинградской битвы немецкие войска потеряли стратегическую инициативу. Между двумя странами шли нешуточные сражения; немецкая армия на Востоке отступала и несла потери. В марте 1942 года меня призвали на фронт.

Мое солдатское житье было таким же, как у всех солдат на войне: дискомфорт, разочарование, бесконечные передвижения, невозможность понять, что произойдет в следующую секунду, неприятие войны как таковой. Мне докучало то, что мои обязанности на русском фронте никоим образом не были связаны с моей специальностью и многолетним инженерным опытом. Я служил обычным пехотинцем, и мои реальные возможности, а также знания тысяч других квалифицированных технарей, оказавшихся на войне, были не нужны во время уже безнадежных военных операций немецких войск.

Но эти события преподали мне универсальный урок, ставший актуальнее сегодня, чем прежде. Так как я был инженером по призванию и воспитывался в родной мне немецкой культуре – нужно заметить, что Германия славится инженерными достижениями, – мне было невдомек, каково типичное мировоззрение прусского солдата. Мягко говоря, я был шокирован и лишился всяких иллюзий, все отчетливее понимая, насколько неэффективна и неполноценна жесткая, традиционная военная система взглядов относительно вопросов, не относящихся к военному делу. Впоследствии, когда развитие инженерной мысли стало контролироваться военными, я снова в этом убедился.

Мое пребывание на Восточном фронте – это хаос, путаница, изматывающие и бесполезные марш-броски, тряска в крытых товарных вагонах и обычно напрасные усилия. Нас не только не обучали военному делу, но и вряд ли понимали, как интегрировать в сухопутные войска тысячи ученых и инженеров. К счастью, уже был конец весны и поначалу, по крайней мере, мы не пострадали от суровой русской зимы. Но на нашу долю, в зависимости от погоды, пришлось бездны грязи и пыли. Длинные марш-броски с тяжелым снаряжением непонятно куда и зачем немного поднимали наш боевой дух и заставляли верить, будто мы действительно приносим пользу. Казалось, все так увлечены самим фактом службы в армии, что почти не посвящают себя военному делу. Но армейская жизнь есть армейская жизнь.

После плохо организованного железнодорожного переезда по территории Литвы, занявшего гораздо больше времени, чем следовало, 2 июня мы вошли на территорию Советского Союза. В полдень следующего дня мы прибыли в Витебск и увидели первые признаки военных действий. Многие из нас до этого просто не представляли, что такое война, ибо чаще всего союзнические бомбардировки Германии были легкими и единичными: воздушные налеты не давали жителям города спать, а не разрушали его до основания. Смоленск оказался полностью разрушен, функционировала только недавно восстановленная сортировочная станция. Повсюду были огромные и шокирующие кучи металлолома: тысячи тонн обломков советской и немецкой техники. «До чего красноречивое свидетельство неутолимого аппетита войны», – с горечью подумал я, выглянув в открытую дверь вагона. Эта мысль не выходила у меня из головы, ибо чем дальше мы продвигались на территорию Советского Союза, тем большая разруха перед нами представала. Позже Германии будет суждено пережить такую же разруху, но

тогда мы не верили в поражение наших войск, несмотря на серьезную ситуацию в Советском Союзе и на то, что американцы затевают против нас крупномасштабную драку. Я подозреваю, что мы были слишком увлечены собственными сиюминутными проблемами. Неделями мы передвигались пешком, на грузовиках и по железнодорожной дороге из одного пункта назначения в другой и очень часто возвращались на прежнее место дислокации.

В конце концов меня перевели на центральный склад запчастей управления войсками в поселке Костюковка Гомельской области. Причина перевода – мое умение печатать на машинке!

На складе находились всевозможные запчасти и расходные материалы для немецких автомобилей и мотоциклов. В каждой немецком дивизии на центральном направлении была небольшая группа уполномоченных, вроде меня и сержанта технической службы Моэста. Мы обрабатывали заявки нашей дивизии, выполняли заказы, упаковывали их и организовывали доставку. Для лучшей организации процесса всех уполномоченных дивизий объединили в роту, превратившуюся практически в независимую организацию, рабочий процесс в которой протекал очень вяло.

Мне никогда не забыть, в каком плачевном состоянии находилось материально-техническое снабжение немецкой армии и особенно транспорт. Автомобили и мотоциклы для фронта поставляли по меньшей мере двадцать производителей. В каждой дивизии были автомобили всех двадцати марок, хотя иногда только одной. Помимо этого гордиева узла, сложности заключались в том, что каждый производитель поставлял на удивление большое количество моделей. Нам следовало знать серийные номера шасси, двигателей и кузова, а также огромный объем дополнительной информации, необходимой для составления корректной заявки для данного транспортного средства. На складах не было полных комплектов запчастей, и громадное количество заказов оставалось невыполненным. Множество автомобилей немецкой армии стояли на консервации как на центральном, так и на других направлениях только из-за нехватки одной-двух запчастей.

Мне было ясно тогда, и со временем мое мнение ничуть не изменилось, что возникшие из-за опрометчивости сложности стали основной причиной поражения Германии в войне с Советским Союзом. В отличие от немецкой армии со множеством автомобилей различных марок и моделей советская армия располагала только тремя основными моделями грузовиков: русский «Форд» (грузовик-полупортка. – *Пер.*) и ЗИС (ЗИС-5 и ЗИС-5В. – *Пер.*). Честно говоря, по западным стандартам они считались доморощенными – не имели сложных функций, производились с широкими ремонтными и эксплуатационными допусками и потребляли много топлива. Однако они исправно работали, выдерживали русские холода и обладали огромным преимуществом – взаимозаменяемостью деталей.

Немецкое оборудование не предназначалось для эксплуатации в суровых русских природных условиях. Но это не означает, что немецкое командование не учитывало погодных условий на территории Советского Союза. Просто природа повела себя непредсказуемо – в год вторжения на территорию Советского Союза наступила ранняя зима. Военную кампанию планировалось завершить до первого снегопада, и альтернатива даже не рассматривалась.

Существует ошибочное мнение, что любая война ведется по единственному запланированному сценарию, что не требуется проработка дополнительных вариантов, что обеспечить победу может один род войск, один тип вооружения или даже одно нажатие пусковой кнопки.

Через несколько недель я снова отправился в путь. Базовый склад был передислоцирован в Курск – дальше на Восток за линию фронта. Мне пришлось проехать из Гомеля в Брянск, потом в Орел и, наконец, в Курск. Когда я прибыл, склад базировался в соседнем селе Рышкове.

Стояла поздняя осень, заморозки начались уже в начале ноября. Когда холодно, я всегда вспоминаю ту зиму. По сей день Россия ассоциируется у меня с холодами.

Накануне Рождества прибыл некий сержант Эмиль Кеслер и стал моим непосредственным руководителем. Кеслер был очередным звеном в цепи событий, приведших меня к разработке Фау-2. Однако в то время я об этом совсем не думал. Я был всего лишь работником склада запчастей на территории Советского Союза в разгар зимы.

Кеслер владел особым даром добиваться успеха на военном поприще. При нем регулярная армия питалась систематически. Он был и умелым коммерсантом (находил общий язык как с сержантами по снабжению, так и с советскими колхозницами), и применял методы, которые в гражданской жизни подпадали под статью уголовного кодекса. Чаще всего ради закупок продовольствия ему приходилось много ездить, и в некоторые поездки он предусмотрительно отправлял меня. Я получил повышение вскоре после того, как Кеслер вернулся из «командировки», которую устроил сам для себя в родной город в Германии. Мне предстояло сопровождать в Варшаву вагон со старыми шинами, которые следовало обменять на новые. Оттуда я должен был отправиться во Франкфурт-на-Майне – родной город Кеслера – и раздобыть там тяжелую парусину для крытых грузовиков. Хотя достать парусину было маловероятно, я мог отвезти жене Кеслера коробку яиц. Кроме того, у меня появилась возможность вернуться в Германию.

Как и ожидалось, мне не пришлось доставать парусину. Я доставил яйца и навестил родителей в соседнем Эссене. Я с ужасом обнаружил, что в результате тяжелых бомбардировок прекрасный город почти стерт с лица земли. К счастью, мои родители не пострадали.

На обратном пути на Восточный фронт мне удалось заехать в Берлин, где у меня по-прежнему оставалась квартира. Я хотел навестить свою невесту Ирмель. Другого шанса увидеться с ней у меня могло не быть, учитывая то, как шли дела на Восточном фронте. За несколько дней Ирмель своей теплотой и неброской красотой вернула мне веру в то, что в один прекрасный день снова наступит мир и мы с ней поженимся. Время пролетело быстро. Берлин бомбили не слишком сильно, поэтому можно было по-прежнему ходить в театр, уютные ресторанчики и красивые парки.

На меня очень сильно повлиял приезд в город моего старого друга Хартмута Кюхена. Я решил его навестить. Он рассказал мне, что правительство наконец осознало нехватку инженеров и ученых, отправленных солдатами на фронт. Определенное количество нынешних инженеров-солдат недавно переправили на секретный объект на балтийском побережье, где работал Хартмут. Я вспомнил его случайное замечание о «путешествии на наш сияющий спутник» и сразу же задал ему вопрос.

– Я так и знал, что ты спросишь, – сказал он. – Я постараюсь что-нибудь для тебя сделать. Но, – прибавил он, улыбаясь, – это будет не скоро. Это военный объект.

Я вернулся на русский фронт, надеясь, что мое положение улучшится. Но уверенности у меня не было. Я с грустью размышлял по поводу запоздалого понимания правительства о растраченных впустую людских ресурсах. Весной 1943 года правительство Германии поняло, что исход войны, мягко говоря, сомнителен, и почти в отчаянии ухватило за идею создания чудо-оружия, на которое возлагались большие надежды. Однако квалифицированных рабочих и профессиональных инженеров осталось крайне мало. Пришлось изымать из армейских рядов техников, инженеров и ученых. Неписанный закон военного времени гласил, что никто из призывников не имеет права заниматься на войне тем, чему обучился в мирное время. Теперь этот закон был нарушен.

За одну ночь докторов наук освободили от работы на контрольно-пропускных постах, магистров естественных наук отозвали со службы дневальными, математиков вытащили из пекарен, а инженеры-механики перестали водить грузовики.

В конце концов я получил письмо от Хартмута по поводу нашего разговора. Вскоре после этого, 13 июля 1943 года, пришел приказ о моем переводе. Моя жизнь мгновенно изменилась. Начиная осуществляться моя мечта. Как сейчас ракетчики не до конца осознают важность

своей работы, так и я тогда не понимал, что буду разрабатывать новое оружие. И прежде, и сейчас я об этом не задумывался. Для меня приказ о переводе означал начало карьеры и возможность участвовать в рождении одной из величайших эпох всех времен.

Я снова посмотрел на приказ о переводе: в нем значилось «Пенемюнде».

Вечером 29 июля 1943 года, через три недели после успешного вторжения англо-американских войск на Сицилию, положившего начало долгой и тяжелой итальянской военной кампании, Хартмут Кюхен встретил меня на железнодорожной станции в Козерове – небольшой деревушке и месте отдыха на острове Узедом, в северной оконечности которого находился Пенемюнде. Последовали дружеские приветствия, радость от возобновления прежней дружбы и много благодарных слов в адрес Хартмута, изменившего мою судьбу. Он сразу предложил мне остановиться в его доме на пару дней. В тот вечер он мало говорил о своей работе, несмотря на мои неоднократные попытки разузнать больше.

На следующее утро я проснулся, когда солнце было уже высоко. Поднялся с постели я неохотно. Хозяйка, у которой Хартмут снимал квартиру, уложила меня спать на застекленной веранде. Я спал на кровати с матрасом, постельным бельем и подушкой, которыми не пользовался несколько месяцев. Мне очень не хотелось вылезать из кровати, но, услышав шум из кухни, я понял, что голоден. Бреясь, рассматривал в открытое окно небольшой огороженный дворик внизу, по которому деловито бегали две дюжины кур. Кроме того, там были фруктовые деревья и, частично скрытые от глаз, строения. Посмотрев на темно-синее небо, усеянное белыми облаками, я вспомнил расхожую фразу: *Ein Wetterchen zum Eierlegen* – «В плохую погоду куры лучше несутся». Я бездумно повторил фразу несколько раз, ничуть не задумываясь о ее смысле, ибо впервые за несколько месяцев почувствовал себя хорошо.

Хартмут уехал несколько часов назад, чтобы успеть на поезд до завода, и в доме осталась лишь хозяйка. Меня ждал простой, по ее мнению, завтрак: свежие булочки, яйцо и парное молоко – подобной еды у меня давным-давно не было. За завтраком я разговаривал с ней и вскоре узнал все о детях и внуках, об их занятиях и неприятностях.

– Что ж, пора мне прогуляться на пляж и немного оглядеться, – объявил я хозяйке, допивая суррогатный кофе. – В какую сторону пляж?

Она показала мне дорогу, но предупредила:

– Не опаздывайте на обед. Ровно в час.

Выйдя из дома, я с восторгом вдохнул чистый, свежий воздух с запахами моря, сосен и поспевающей пшеницы. Я пошел по тропинке между соснами и буками. И вдруг лес закончился, и я оказался у почти вертикальной скалы. Примерно в 45 метрах ниже проходила широкая песчаная полоса, ослепительно-белая в лучах полуденного солнца, окаймленная мягким прибоем, шорох которого смешивался с шелестом деревьев у меня за спиной.

Оттуда, где я стоял, море оказалось почти спокойным. Ветер, тени от облаков и разница в глубинах воды придавали поверхности моря светло-синие и зеленые оттенки. На горизонте море сливалось с небом. В море было несколько рыбацких лодок, от ветра шум их бензиновых моторчиков становился то громче, то тише. При виде моря я всегда испытывал восторг. Сегодня оно произвело на меня особенно сильное впечатление – какой невероятный контраст со скукой и бессмысленностью, одолевавшей меня прошедшие месяцы.

Я достал дорожную карту Северной Германии, которую мне вручил Хартмут. Внизу карты был отмечен Берлин и идущие от него во всех направлениях дороги. Река Одер в 80 километрах к востоку от столицы извивалась голубой лентой в северном направлении – к Балтийскому морю. Я разглядел развевающуюся на ветру карту и увидел место, где Одер образует огромную дельту на Балтике, и промышленный город Штеттин на южной оконечности.

Я внимательно посмотрел на карту. Дельта не выходила непосредственно в море, а была почти полностью окружена двумя крупными островами: Воллин на востоке и Узедом на западе. В море можно было выйти только через три узких протока.

Я впервые приехал на Узедом, но, если верить карте, побывал неподалеку от острова несколько лет назад, когда посещал остров Рюген. Подняв глаза, я решил разглядеть Рюген, но увидел лишь почти идеальную прямую линию пляжа, исчезающую в дымке. На острове Узедом находились знакомые мне места: Свинемюнде, Герингсдорф, Цинновиц, а также более мелкие поселения вроде Козерова.

Но где же Пенемюнде? Мне потребовалось некоторое время, чтобы его найти. Он находился неподалеку от северо-западной оконечности острова Узедом, на побережье с видом на материк, на одном из трех рукавов Одера. Пенемюнде означает «устье реки Пене». На самом деле такая извилистая река, чуть шире ручья, проходила по материку и впадала в западный рукав Одера.

Вдруг слева от себя я заметил лестницу, ведущую к пляжу. Преодолев двести ступенек, я оказался на чистом, однородном песке. Положив одежду на плетеный пляжный стул и облачившись в заимствованные у Хартмута плавки, я решил хорошенько поплавать.

Потом я осматривал Козеров, оказавшийся сонной деревушкой. В конце концов пришел на железнодорожную станцию, на которую через некоторое время должен был приехать Хартмут. Ожидая, я расслабился и стал наблюдать за типичной жизнью маленького поселения. Из прибывшего с севера поезда вышло около ста человек. Вскоре я увидел усталого, но веселого Хартмута.

– Еще один день закончился, – проворчал он. – Не надо было сюда приезжать! – Он улыбнулся. – Ну а ты что делал?

Я рассказал ему, чем занимался.

– Значит, отдыхал, да? Полон энергии и идеалов? Ладно, ты сам напросился! Завтра поедешь со мной на завод.

На следующее утро мы сели в поезд и поехали в исследовательский центр, находящийся примерно в 40 километрах к северу от Козерова. Поезд состоял из старых вагонов, списанных Федеральным управлением железной дороги Германии в 1930 году и возвращенных исключительно для использования в военное время.

– Главный человек на заводе, – начал Хартмут, когда поезд отошел от станции Козеров, – доктор Вернер фон Браун – чрезвычайно успешный человек и движущая сила всего процесса. Он молод, по-моему, ему тридцать два года. – Он нахмурился. – К сожалению, он занимается только техническими вопросами. Видишь ли, еще у нас есть руководящая верхушка. За редким исключением руководители лишь отдают честь и входят в состав правления. Иначе говоря, они вставляют нам палки в колеса.

Я заметил, что Хартмут злится. А мне-то казалось, что с трудностями я распрощался на Восточном фронте.

– Запомни, это не частное предприятие, – напомнил мне Хартмут, качая головой, а затем добавил: – Тебе также придется забыть некоторые инженерные навыки, о которых ты помнишь с момента работы в «Сименс». Здесь не так уж плохо, но условия, бесспорно, другие.

Поезд ехал с приличной скоростью, лесополосы по обеим сторонам трассы стали редеть, как только мы выехали из Козерова. Перед нашими глазами предстали пастбища, на которых изредка попадались пасущиеся коровы. Справа появилась дорога, параллельная железнодорожному пути. Дамбы блокировали вид на море. Вскоре поезд остановился.

– Где мы? – спросил я.

– Это Дамеров. Когда-то здесь была деревня, но ее смыло во время шторма около ста лет назад. Теперь это всего лишь контрольная точка – первая из нескольких, которые мы должны проехать. – Он указал в окно. – Здесь тупиковый рукав реки Пене. Он почти подходит к рельсовому пути.

Охранник примерно пятидесяти лет, в невзрачной униформе ходил от скамейки к скамейке. Хартмут показал ему свой идентификационный жетон, а я – командировочное предписание. Охранник буркнул: «Ладно» – и пошел дальше. Вскоре мы снова отправились в путь.

Затем была краткая остановка в деревне Цемпин, а потом поезд, пыхтя, прибыл наконец в Цинновиц – одно время модный курорт, а сейчас территория, почти полностью занятая работниками Пенемюнде. Хартмут встал, и я вышел вслед за ним из поезда. Через ворота мы прошли в зал типичной для маленького городка железнодорожной станции. В зале было довольно оживленно; я заметил много людей в униформе сухопутных войск и авиации.

– Мы приближаемся к заводу. Станцию ты увидишь примерно с половины седьмого до семи утра, когда поезда из Свинемюнде и Вольгаста прибывают один за другим, а пассажиры пересекаются на электрички. Это похоже на пересадку из Берлинского метрополитена на городскую электричку в час пик.

Нам потребовалось несколько минут, чтобы пешком добраться от станции Федеральная до станции Заводской терминал, представлявшей собой простую, низкую деревянную конструкцию с плоской крышей. Внутри здания не было кассы. На стенах висели различные объявления: расписание движения поездов, плакат «То, что ты видишь и слышишь, должно остаться в этих стенах» и простой указатель «К поездам».

В это время суток из нескольких ворот были открыты только двое. Мы представили наши документы людям в военной форме и вышли на длинную платформу, по обеим сторонам которой проходили железнодорожные пути. Слева, возле здания, был огромный стеллаж с велосипедами. Мы остались одни на платформе. Потом я заметил ожидающий нас поезд и воскликнул:

– Да ведь это же берлинская *S-Bahn*!¹

Я увидел знакомый современный поезд с большими окнами, стильным интерьером и автоматическими двойными дверями. Мы вошли в двери ближе к середине поезда и расположились у окна.

Раздался свист – поезд тронулся и стал стремительно набирать скорость. Быстрое клацанье переключателями и стук от перехода поезда на другой путь вскоре стихли, и мы увидели единственную колею, ведущую из Цинновица к южной проходной завода. Будучи частым пассажиром электричек, я ждал, что состав снова начнет набирать скорость, но этого не произошло.

– Почему он не едет быстрее? – воскликнул я.

Хартмут усмехнулся:

– Не думал, что ты сядешь в лужу! Напряжение в выпрямителе тока на станции не соответствует напряжению в двигателях поезда. Сейчас нет ни необходимости, ни средств для того, чтобы это исправить.

Поезд равномерно двигался вперед, гудение двигателей сопровождалось размеренным стуком колес. По обеим сторонам пути росли сосны. Мы проехали мимо перекрестка с опущенным шлагбаумом. Сирена поезда постепенно становилась громче, затем высота звука вдруг изменилась, и сирена стихла.

– Это Трассенхайде, – сказал Хартмут, когда мы проезжали через небольшую деревню. – Здесь останавливаются только несколько поездов. Когда-то тут хотели построить город с населением в тридцать тысяч или около этого. Может быть, построят после войны... – Он машинально и бессознательно постучал по деревянной скамейке. – Сейчас здесь только большой строительный лагерь, где в основном работают пленные из Восточной Европы. – Он умолк и выглянул в окно. – Сейчас ты увидишь лагерь. Это небольшой городок с типичными зданиями казарменного типа. Однако большинство зданий покажутся тебе довольно симпатичными и

---

¹ Электричка.

даже чуть-чуть напоминающими здания Третьего рейха. Конечно, ты не увидишь здесь колоссальных зданий, как в Нюрнберге, или громадных берлинских строений с колоннами. – Он кивнул. – Вот и лагерь.

Справа от нас появился забор из плоских сетчатых звеньев высотой более двух метров. За ним виднелись темные и унылые казармы, построенные на определенном расстоянии друг от друга. С другой стороны трассы деревья начали редеть, и мы увидели шоссе, параллельное железнодорожному пути, – единственную подъездную автодорогу к заводу. Появились типичные деревенские домики с пристройками. Поезд остановился у узкой, гудронированной платформы, обозначенной как Карлсхаген. Саму деревню не было видно за деревьями. Почти сразу же поезд снова отправился в путь. Хартмут поднялся:

– Нам сходить через минуту.

Мы подошли к двери, и я выглянул в окно. Лесные посадки внезапно закончились, словно были нарисованы на занавесе, который кто-то отдернул в сторону. Перед нами появилось несколько железнодорожных путей, и послышался стук колес – поезд переходил на другой путь.

Вдоль горловины железнодорожной станции стояли аккуратные двухэтажные дома, и мне вдруг показалось, что я очутился в пригороде большого города. Крутые скатные крыши домов были выполнены в стиле, который я изучал в Штутгарте, где находился знаменитый архитектурный факультет университета. Здания были построены в умеренном стиле из прочного огнеупорного кирпича, оштукатуренные снаружи, двух-, иногда трехэтажные, с боковыми окнами и ставнями. Они отлично вписывались в окружающий ландшафт, который слегка напоминал исторические места в Ротенбурге или Нюрнберге. Подъехав к крытой платформе, поезд остановился – мы добрались до места назначения.

В лагере находилось примерно двадцать одноэтажных зданий, расположенных в форме подковы. Все здания узкой стороной были обращены к дороге с односторонним движением и напоминали коров на водопое. Мы прошли мимо охранника у ворот и вошли в здание справа. Унтер-офицер быстро проверил мои документы.

– Доложитесь старшине четвертой роты в *Haus Wuerttemberg*² – отрезал он.

– Должно быть, это в здании, где живут магистры наук, – предположил Хартмут, когда мы пошли по тротуару. – Все эти одноэтажные здания заняты взводами *VKN* (*Versuchs-Kommando Nord* – экспериментальная команда «Норд», располагавшаяся в Карлсхагене, к западу от железной дороги на Пенемюнде на месте бывшего поселения Зайдлунг. – *Пер.*), в состав которого входит несколько рот, которыми командуют офицеры, подчиняющиеся полковнику. Управление создали для того, чтобы отзывать специалистов из регулярной армии, фактически оставляя их на военной службе. – Хартмут рассмеялся. – Итак, ты по-прежнему в армии! Тем не менее воинская повинность покажется тебе не крайне тяжелой, а просто досадной.

Любой, услышавший его замечание, немало бы удивился, ибо Хартмут носил мундир лейтенанта. Обстоятельства его приезда в Пенемюнде были чем-то схожи с моими. Отслужив в армии задолго до войны, он демобилизовался в звании лейтенанта запаса. Позже, начав работать в «Сименс», он получил задание возглавить строительство важного объекта в Пенемюнде. В 1941 году его призвали на фронт, но затем немедленно вернули обратно в Пенемюнде, на этот раз в качестве военного. Это изменение, никоим образом не отразившееся на качестве его работы, заставило его мириться со всеми недостатками военной службы. Кроме того, он лишился хорошей зарплаты и получал гораздо более скромное лейтенантское денежное довольствие.

– Во всех зданиях в этой части лагеря очень большие комнаты с двухъярусными кроватями. Тут живут механики и техники, чей статус напрямую зависит от обстоятельств, при кото-

---

² «Строение Вюртемберг». (Здесь и далее примеч. пер.)

рых их сюда перевели. Здесь воинское звание никак не влияет на должность. Представь себе, инженер в звании рядового командует механиками, некоторые из которых в звании сержанта. Степень магистра естественных наук, – продолжал Хартмут, – дает тебе некоторые привилегии при получении жилья. Кстати, я говорил, что зарплату ты будешь получать как гражданский инженер? Скорее всего, ты начнешь работать в третьей группе. Солдатам-механикам тоже выплачивается зарплата и надбавки за сверхурочную работу. Фиксированная ставка довольствия только у офицеров.

Мы остановились у двойных дверей серо-зеленого здания, и Хартмут прервал свой рассказ.

– Вот и пришли, – сказал он. – Я тебя оставляю. Береги себя. Увидимся в воскресенье на пляже.

Я смотрел вслед уходящему на станцию Хартмуту. Затем, внезапно разволновавшись, я повернулся и вошел в здание.

Глава 2. В Пенемюнде

Я оказался в длинном коридоре с белыми стенами. Посмотрев на большую доску объявлений, я понял, что пришел по адресу. Сначала здание показалось мне совершенно пустым. Шумы и запахи, столь характерные для военной казармы, полностью отсутствовали. Потом я услышал шелест бумаги и через полуоткрытую дверь справа увидел сидящего за столом сержанта. Одернув солдатский мундир, я вошел в комнату, вытянулся по стойке «смирно» и бойко объявил:

– Рядовой первого класса Хуцель в ваше распоряжение прибыл!

Сержант оторвался от чтения романа, улыбнулся и небрежно махнул рукой:

– Вольно. Я старшина четвертой роты, – сказал он, положив книгу на стол лицевой стороной вниз. – Предъявите ваши документы.

Я протянул ему документы. Просмотрев их, он произнес:

– Я возьму приказ о переводе и банковскую книжку, чтобы в бухгалтерии оформили документы. Итак, посмотрим... – Он повернулся к стенному шкафу с ключами. – Вы будете жить в комнате номер 108, на верхнем этаже, вместе с солдатом, доктором Виттигом. Зайдите ко мне позже за постельными принадлежностями и полотенцами.

Он вручил мне ключ. Взяв ранец, я снова встал по стойке «смирно», но старшина уже углубился в чтение романа. Пожав плечами, я ушел.

В 108-й комнате никого не оказалось. Она была довольно просторной, с окном напротив двери. У обеих стен находились койки. Кроме того, здесь были шкаф, стол, настольная лампа и два стула. В углу была раковина, из крана текла холодная вода. Как я узнал позже, горячая вода была в единственной на каждом этаже ванной комнате. Внезапно почувствовав усталость, я положил ранец, растянулся на пустой койке и стал вспоминать события последних нескольких дней. Я расслабился. Лишь один раз я услышал быстро стихший стук сапог по брусчатке. Заложив руки за голову, я наблюдал сквозь окно за облаками, медленно плывущими по синему летнему небу. В конце концов я задремал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.